

КИТАЙ РЕАЛИЗУЕТ
СОБСТВЕННУЮ
ДОКТРИНУ МОНРО

США озабочены аппетитами Поднебесной
в Азиатско-Тихоокеанском регионе **02**

ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО И В ДАЛЬНЕЙШЕМ?

«Булава» наконец-то ударила куда надо **09**

ДОСТОЙНОЕ УВАЖЕНИЯ
ОРУЖИЕ

Советские ПТР доставляли
немало хлопот танкистам вермахта **10**

ТЕМА

Продолжение на стр. 06

РОССИЙСКИЙ САМОЛЕТ
СМОЖЕТ СОПЕРНИЧАТЬ
С ЗАОКЕАНСКИМИ
«ХИЩНИКАМИ» И «МОЛНИЯМИ»

ДОГОНЯЯ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

29 января 2010 года впервые
поднялся в воздух опытный
российский истребитель Т-50 ОКБ
Сухого. Полеты новой машины
обозначили очередной этап
долгой истории отечественного
самолета пятого поколения,
начавшейся более 30 лет назад.

Копилаж Андрея СЕДУХА

СОТРУДНИЧЕСТВО

ЭКЗАМЕНУЮТ ИНДИЙСКИЕ ГОРЫ

Совместные российско-индийские учения анти-террористической направленности «Индра-2010» проходят с 15 по 24 октября на северо-востоке Индии, в штате Уттаракханд.

Торжественная церемония открытия учений состоялась в расположении 99-й горно-пехотной бригады индийских сухопутных войск (населенный пункт Чаубаттия). В маневрах задействованы 280 российских военнослужащих, представляющих отдельную мотострелковую горную бригаду, дислоцированную в Карачаево-Черкесии. Руководителем учений от Вооруженных Сил РФ назначен генерал-майор Владимир Глинин.

На вооружении наших военнослужащих имеется более 200 единиц стрелкового оружия. Среди них АК-74М, РПГ-7, СВД, АС-«Вал» и ПКМ. На учения солдаты и офицеры отправились с современным вооружением: боевые защитные комплексы «Термояд», изготовленные из арамидных материалов и обеспечивающие круговую баллистическую защиту не менее 80% поверхности тела от поражения пулями и малоскоростными осколками.

Учения серии «Индра» проводятся с 2003 года. Нынешние маневры – уже пятые по счету. Свое кодовое обозначение они получили по имени одного из могущественных героев индуистской мифологии – бога-громоверзца Индры.

Общая площадь района учений – более 150 кв. км. Подразделения действуют в горной, труднопроходимой местности, на удалении от пункта постоянной дислокации 7–12 км. Управление осуществляется из объединенного штаба, в том числе и с использованием АСУВ, имеющей возможность вести видеоконференции между подразделениями и объединенным штабом.

Переброска личного состава к месту проведения маневров была проведена самолетами Ил-76 военно-транспортной авиации ВВС России.

ТЕНДЕНЦИИ

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: ВЯЛОТЕКУЩАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

ДЕНЕЖНЫМ ПОТОКОМ ГОРЯЧУЮ
ТОЧКУ ОСТУДИТЬ НЕ УДАТСЯ

Читайте материал на стр. 04

ИТАР-ТАСС

Результаты опроса посетителей сайта www.vpk-news.ru

В случае дальнейшего обострения отношений между Москвой и Минском выйдет ли Белоруссия из Союзного государства России и Белоруссии, Таможенного союза и СНГ?

ДА 47 %

Не знаю 17 %

НЕТ 36 %

ТЕНДЕНЦИИ

*Деньга ХАЛИДОВ,
вице-президент Академии
геополитических проблем,
руководитель Центра
стратегических исследований
проблем этнополитики и ислама*

О ЧЕМ СТОИТ ПОВОРОТИТЬ ОСОБО

Впрочем, надо полагать, в 90-е и в начале 2000-х годов зарубежный фактор играл большую роль в северокавказских делах, хотя и заметно уступающую внутреннему фактору. Однако уже осенью 2008 года я прогнозировал обострение ситуации в южных субъектах Российской Федерации после прихода в Белый дом Барака Обамы. Это связано с активизацией стратегии не прямых действий и сетевой войны, приверженность которым традиционно отличает демократическую «ветвь» американской власти.

Новая администрация США взмает грубовато-жесткой концепции «глобального господства» неоконсерваторов взяла на вооружение концепцию «глобального лидерства». А она предполагает проведение специальных операций и тайную работу денег и разведок, что придает Вашингтону эдакую «пушистость» в глазах мирового общественного мнения, хотя по сути ничего не изменилось.

Разумеется, без благодатной «почвы» все это не даст ожидаемого результата. Но поскольку Каспийско-Кавказский регион давно уже объявлен «зоной стратегических интересов США», то немудрено, что с начала 90-х эмиссары американских и британских спецслужб зачастили на Северный Кавказ. Сначала под видом туристов, ученых-этнологов и экологов, затем — журналистов и правозащитников и т. д. Средств на экспертизу ситуации в тамошних республиках РФ не жалели.

Передовой разведотряд, представленный «интеллектуалами» из Соединенных Штатов и Великобритании, организовывал различные семинары, «крутые столы» и конференции, дабы разобраться в обстановке в регионе, в частности найти ответы на вопросы: в чем секрет относительной стабильности в Дагестане (в начале 2000-х) при таком этническом разнообразии и внутриконфессиональных конфликтах, как влияет черкесский этнос на трансформацию политической ситуации на Западном Кавказе (разумеется, не в пользу России)?

Если учесть, что в последние годы экстремистское подполье в регионе (главным образом в Дагестане, в меньшей степени — в Ингушетии и Кабардино-Балкарии) обложилось внушительными «налогами на джихад» местных олигархов и коррумпированных чиновников, вряд ли стоит преувеличивать роль ресурсной помощи извне. А значение арабских комбатантов ничтожно, что бы там ни говорили неолиберальные пропагандисты.

Как обычно представители антисистемы реконструируют ситуацию на Северном Кавказе? Попытаемся воспроизвести типичный нарратив околоспецслужбного и медийного сообщества: «Жили-были простые мусульмане-традиционалисты, приверженцы суннизма и подерживающие их единоверцы. Все было спокойно, но грянула перестройка, а вместе с ней зачастили в регион посланцы из Саудовской Аравии и Пакистана. Вот они и занесли в регион заразу ваххабизма, воспламенили сознание наивных и невежественных горцев.

Все бы ничего, если бы не страшная безработица и социальная неустойчивость. Ваххабитские агенты денег не жалели (денежки-то — из богатой Саудовской Аравии). И тут началось. Мусульмане разделились: одни, превратившись в ваххабитов, принялись проповедовать вооруженный джихад, а другие выступили против них. Пока государство дремало, зараза ваххабизма расплодилась по всему региону. Да и инструкторы-арабы не подкачали. В общем, Северный Кавказ стал ареной экспансии всего авантюрно-дерзкого элемента из мусульманского мира.

Многие аборигены слепо верили своим новым учителям, купились на саудовские миллионы и затеяли кровавую бойню, совершая теракты, в том числе и против мирных граждан, пошли против собственного народа. Вот тут-то федеральный центр и взял ситуацию под контроль: повел решительную борьбу с этим злом. А оно такой же природы, что и в Афганистане, где наши (почти) союзники американцы вот уже 9 лет пытаются справиться с другими террористами — талибами. Так что России надо держаться США и Запада, а то страшный исламский мир грозит затопить РФ кровью ее граждан и джихадистов».

Несколько грубовато, но именно таков смысл основного мессиджа отечественных властей дум из неолиберально-прозападного лагеря. Тут что ни предложение — то невяная ложь. Она складывается из недоговоренности, частичной правды. Расчет на алогичность и нескритичность мышления.

О ВНУТРЕННИХ ФАКТОРАХ БЕЗ ЭМОЦИЙ

В данном случае я не имею в виду огромную безработицу и социальную неустойчивость молодежи на Северном Кавказе. Нет ни одного серьезного исследования, доказывающего их влияние на рост рядов мятежников-неохариджитов. На уровне интуиции (даже научной) также с трудом верится, что данные мотивы могут играть значимую роль. Скорее вспомогательную (дополняющую). Похоже, иные эксперты и публицисты, заявляя, что именно по этим причинам экстремистское подполье получает пополнение, упрощают проблему до понятного им уровня.

Тут вполне правомерна рабочая гипотеза, подтверждаемая множеством косвенных свидетельств. Во-первых, из всего комплекса факторов, способствующих уходу молодых людей к «лесным братьям», нелегко вычленишь нечто главное, определяющее. Здесь и коррупция, и несправедливость, и безработица, и антиисламский, предельно безнравственный пиар на ТВ, и самоидентификация как исламского пуританизма, и наконец, преследования со стороны правоохранителей по признакам «особо выраженной» религиозности.

Но, как представляется, ключевую роль играет именно последний фактор — произвол силовиков. Как признавались старшие офицеры милиции (в Дагестане например), около 70–80% боевиков покинули родные дома из-за давления «стражей порядка» и неуверенности в собственной безопасности. А такая неуверенность вытекает из особенностей религиозных воззрений оказавшихся в подполье. Они, как правило, салафитон (ваххабиты — в обиходе) и потому априори попадают в разряд неопыльных государству и «подозрительных» элементов. Ситуация обостряется, если известно, что среди экстремистов есть их близкие родственники.

СЕВЕРНЫЙ
КАВКАЗ:

ВЯЛОТЕКУЩАЯ
ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА

Окончание. Начало в № 40

Наши антисистемщики, рассуждая о причинах нестабильности на Северном Кавказе, как правило, напрямую возлагают вину за мятежевойну в регионе на богатые арабские страны и косвенно — на ислам и мусульманский мир. Безусловно, эти люди лукавят, умалявая о том, что в данных государствах (особенно в Саудовской Аравии) весьма комфортно чувствуют себя англо-американские спецслужбы и их дочерние структуры.

Правда, силовой фактор действует не сам по себе. Он накладывается на внутриконфессиональный конфликт, в котором государство зачастую не выступает в качестве беспристрастного арбитра или плохо справляется с этой ролью. Не будем вдаваться особо подробно в историю данного конфликта. Отметим только несколько важных штрихов.

После августа 1999 года все салафитон — и мирные (а таких очень много), и немирные — попали в разряд подозрительных элементов. В том же году в Дагестане был принят и соответствующий «антиваххабитский» закон. Поскольку милиция не очень-то разбиралась в вопросах обрядов, стиля поведения и одежды мусульман, открылась широкая возможность для гонений. В Дагестане, Ингушетии и Кабардино-Балкарии вошли в практику массовые аресты и задержания мусульман с последующими допросами, порой сопровождавшимися пытками. Искали по внешним признакам самых неблагонадежных, «неправильно» (не по-традиционному) верующих. Коррупция среди правоохранителей получила еще один источник подпитки.

Милицейская «машина» стала действовать туго и неразборчиво. Накопилась горькая статистика, а вместе с ней расширилась и сеть вооруженного подполья. Известный эксперт по данной теме Ахмет Ярлыкапов отмечает: «Местные власти на Северном Кавказе сами провоцируют активные действия джамаатов (салафитских «общин»). Там, где нужен был хирургический скальпель, использовали топор «войны». Дело усугублялось бессудными расправами и ночными вылазками «эскадронов смерти», после которых исчезали сотни молодых людей (очевидно, подозреваемых в причастности к терактам или родственников боевиков). И все это находило поддержку Москвы как наиболее адекватный метод борьбы с терроризмом.

Неспособность и/или нежелание дифференцированно подходить к верующим усугубили проблему. В итоге упор на чисто силовую составляющую привел к обратному эффекту. Внедряемая оппозиция выросла численно, а экстремисты обрели видимость легитимности в глазах части местного населения.

Конечно, нельзя обойти молчанием религиозный фактор, а заодно и вопрос социальной типологии подполья.

Влияние религиозного фактора на нестабильность связано с идейно окрашенным феноменом поиска смысла и справедливости среди определенных слоев северокавказской молодежи. Именно из последней группы отправлялся к мятежникам-неохариджитам топ, что особо подвержен пропаганде экстремистских сайтов. Вполне возможно, дополнительное влияние оказывают и другие причины: комплекс самоуверенности, незнание подлинного смысла священных текстов Корана и, наконец, недовольство морально и социально разложившимся обществом.

Разумеется, к этой группе новых рекрутов экстремистского подполья не надо относить матерых «волков» — ядро непримиримых. Им закрыта дорога к мирной жизни. Собственно, они и не ценят то, что представляет высшую ценность для обычных людей, — жизнь.

В группе молодых рекрутов можно выделить:

1) подгруппу адекватных лиц — в достаточной степени образованных и политически активных;

2) подгруппу самоуверждающихся — энергичных пассивариов (по терминологии Льва Гумилева);

3) подгруппу субпассивариов, или попросту уголовников, решивших для себя придать смысл сделанному им выбору в условиях (что не исключено) безвыходной ситуации.

Для первой подгруппы нет очевидной корреляции с бедностью и безработицей. Скорее здесь играют роль совокупность причин и общий фон: безнравственность и предельно богоборческий, разрушительный пиар на фоне социальной несправедливости и лжи, ощущение тупика и поиск смысла жизни.

Социальная неустойчивость и отсутствие всяких перспектив в будущем могут определенным образом влиять на выбор представителей второй подгруппы. Но для них, думается, имеет решающее значение психологический компонент. Материалы экстремистских сайтов, личное общение с представителями внесистемной оппозиции, «просветительские кружки» в кругу единомышленников могут постепенно склонить молодого человека на сторону мятежников, а затем привести к окончательному разрыву с мирной жизнью.

И, наконец, третья подгруппа. Это разного рода криминальный элемент, для которого уход к мятежникам с религиозной точки зрения снимает все вопросы, связанные с прошлыми грехами. Тут меркантильные мотивы могут играть более весомую роль. Численность этой подгруппы в подполье растет, а потому оно все активнее

занимается идейно обоснованным рэккетом, собирая «налог на джихад».

Позволю себе выдвинуть рабочую гипотезу о соотношении разных подгрупп в рядах мятежников (архивные данные автора и результаты экспертного опроса). Ядро из непримиримых — около 5–7%, идейно «зараженные» — около 10–12%, неофиты из субпассивариов — 10–15%, «боевики поневоле» (не чувствовавшие себя в безопасности дома из-за родственных связей с террористами или выраженной исламской идентичности) и мстители (за погибших и перенесенные унижения) — около 60–70%. Такая гипотетическая типология открывает реальные возможности в деле национального примирения. Но для этого нужна ревизия концептуального багажа антитеррора.

Фактор местных олигархических групп и теневого право. В отличие от мятежников-неохариджитов местные влиятельные «боссы» не ставят под сомнение устройство системы власти. Но ей начинают угрожать разбалансировка, когда конкуренты (за погибших и перенесенные унижения) — около 60–70%. Такая гипотетическая типология открывает реальные возможности в деле национального примирения. Но для этого нужна ревизия концептуального багажа антитеррора.

ВЫВОДЫ

1. Пока не будет решен вопрос на высшем, концептуально-геополитическом уровне, регион обречен на хроническую нестабильность. На этом уровне проблема заключается не просто и не столько в незнании ситуации, а в навязанном (агентурой глобалистов) выборе. Роль силовых и правоохранительных практик вторична, производна от уровня принятия решений на концептуальном уровне. Роль других факторов, типа коррупции и влияния мощных акторов федерального уровня, еще менее значима.

2. С точки зрения безопасности на юге России наиболее серьезная ситуация складывается в Дагестане. Республика уникальна и интересна стратегическим противником России не только геополитическим положением и ресурсами (на шельфе Каспийского моря), но и тем, что в ней в одной обложке наличествуют все виды конфликтов — этнополитические, внутриконфессиональные, территориальные и многие из них не получают

(и не могут получить) отражения при существующей системе власти. Чтобы использовать права, предоставляемые федеративным статусом для обоснования коррекции системы без ущерба для целостности РФ, необходимо изрядно побороться и убедить Москву в важности такой реформы.

3. Отчуждение между официальной судебно-правоохранительной системой и массами (в силу мощной коррупции и бюрократизма) провоцирует рост настроений в пользу альтернативной (традиционной, шариатской) системы права в некоторых сферах социальной жизни. Реальная практика параллельного функционирования систем шариатских судов в современной Чечне показывает ее эффективность в ограниченной сфере — семейно-брачных и земельных отношений, мелких уголовных дел. Такая система вполне легитимна и соответствует принципу биоризма. Упразднение этого института спровоцировало серию мощных восстаний в регионе (от Дагестана до Карачая) в 20–30-е годы XX века. Де-факто негласно институт шариатских судов функционирует в ряде районов Дагестана и Ингушетии, а в Чечне — и на всей территории. Никого не должна пугать такая практика, ибо даже в Москве вполне легально функционирует иудейский суд (суд раввинов).

4. Чтобы разрушить контур воспроизводства нестабильности, необходимо четко представлять роль и значение каждого фактора, их связи и последствия вмешательства внешних сил. Для каждого значимого фактора и «контура» нестабильности — своя метода решения проблемы, свой специфический «инструмент». Между обильными финансовыми вливаниями в регион и стабилизацией ситуации там нет непосредственной связи. Социально-экономическая и политическая ситуация скорее составляет тот негативный фон, на котором разворачивается процесс (религиозно окрашенного) осмысления и выбора альтернативной (но ложной), радикальной парадигмы решения сложных проблем жизни путем простого ответа на вопрос: что делать?

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Секрет успеха России в деле замирения Северо-Восточного Кавказа (к августу 1859 года) заключался в оптимальном сочетании политических, социально-нравственного и силового факторов, в максимально возможном учете местной специфики и уважении к религии и обычаям горцев. Говоря современным языком — в опоре на «умную силу». К этому пришли не сразу. По-наболелись многие десятилетия войны (иногда активной, а чаще — вялотекущей, с элементами гражданских столкновений), ставшей возможной исключительно в силу неадекватной оценки ситуации: природы и мотивов борьбы горцев Кавказа, самой культуры и обычаев народов региона.

Наместник Кавказа и главнокомандующий русскими войсками (с 1856 года) Александр Барятинский положил начало ревизии старых, непродуктивных подходов. К противнику — имаму Шамилю, его набегам и сторонникам стали относиться с должным уважением, как к воинам и где-то политикам, со своими религиозно окрашенными мотивами и ценностями, никого не попрекая прошлыми деяниями и оскорбительными определениями. Тем, кто принимал покровительство России, всячески помогали устроиться в жизни, вплоть до материальной помощи и включения в органы власти. Это позволило быстро добиться размыва социальной базы движения сопротивления. Были также сохранены институты набейства и шариатских судов, созданные в период имамата Шамиля (с некоторыми модификациями).

Использование гибкий подход в правоприменительной практике. Созданные Барятинским комиссии по конфликтам и амнистии состояли из представителей самого наместника, одного мусульманского судьи и лидеров общин-джамаатов. Это было начало системы военного управления, просуществовавшей вплоть до Февральской революции. Именно эта система позволила нейтрализовать в крае множество конфликтов и предотвратить возможные антигосударственные выступления.

Интеграция горцев Кавказа в жизнь огромной страны через каналы социальных и экономических связей поощрялась и поддерживалась, насколько это тогда было возможно. Была налажена система кодификации обычного права. Затем это право получало статус закона в тех вопросах, которые не относились к тяжким преступлениям.

Как следствие новых веяний смена верховной власти (имам Шамиля на российский императора) в горской массе не воспринималась как большая трагедия. А Шамилю пришлось смириться с ролью почетного пленника Александра II. Кстати, после того как на горе Лунин в августе 1859 года Шамиль с горской своих сподвижников был окружен 10-тысячной армией, ей отдал приказ: «Не стрелять в имама, дабы не делать из него святого мученика».

Пленник встречался с царем, более того — они вместе принимали парад русских войск. Такое благодушие и понимание, уважение к вере и доблести своего противника подкупали и сделали невозможное возможным: Северный Кавказ надолго был замирен, а горская элита поверила в Россию и искренние намерения имперской власти.

Несмотря на глобую модернизацию в стране и в регионе за последние век-полтора, представляется, что определенные аспекты исторического опыта России могут быть учтены при организации деятельности полпреда СКФО и в работе соответствующих федеральных ведомств. Пока же, думается, целесообразно предпринять следующее. При полпрестве в СКФО сформировать рабочие группы по отдельным направлениям: а) научно-проектная работа; б) внутриконфессиональная ситуация и проблемы интеграции; в) межэтнические проблемы и народная дипломатия; г) местное самоуправление и земельные вопросы; д) анализ реального права и политические институты, законы и судебно-правоохранительные институты и др.

Опирайтесь на более гибкий подход в случаях, когда очевидны назревшая мера и оперативное решение. Если это решение противоречит тому или иному федеральному закону в том, что касается совместного ведения и полномочий субъекта РФ и федерального центра, то целесообразно наделять полпреда в СКФО большими правами.

Государство и правоохранительные органы должны встать «над схваткой» во внутриконфессиональном конфликте, стараться интегрировать лидеров общественного мнения, находящихся во внесистемной оппозиции с мусульманской «начинкой», в общественные и государственные проекты. Такой конфликт — а это сегодняшняя реальность и он все более углубляется — один из мощных факторов пополнения экстремистского подполья.

ПОЗИЦИЯ

Недавно появившиеся в СМИ подробности о реформе военного образования в очередной раз вызвали чувство недоумения экспертов. По мнению Ассоциации военных политологов, системный подход в этих сообщениях не просматривается. Складывается впечатление, что четкого плана глубокой и всесторонней модернизации системы подготовки офицерских кадров для армии и флота до сих пор нет.

Сергей МЕЛЬКОВ, доктор политических наук, председатель Ассоциации военных политологов

НЕ КАЧЕСТВО, А КОЛИЧЕСТВО

К данному выводу поневоле приходишь потому, что в разъяснениях чиновников Минобороны фактически ничего не говорилось о реальных проблемах Вооруженных Сил и учебных заведений, призванных пополнять ряды командиров и воспитателей солдат и матросов. Вот почему высказанная уверенность в том, что достигнутые результаты (а в основном они, как известно, сводятся к ликвидации целого ряда вузов) поднимут военное образование на качественно более высокий уровень, кажется несколько наивной.

Понятно, что ссылка на так называемый новый облик Вооруженных Сил является теперь универсальным, что называется, на все случаи жизни ответом на любые, особенно неудобные вопросы о дальнейшей судьбе того или иного военного вуза. Однако обратим внимание: в последнее время информация об этом самом облике на сайте Минобороны России недоступна. К чему бы это?

Специалисты Ассоциации военных политологов полагают, что положения, прописанные в указанном документе, носят в основном количественный характер. Например, будет сформировано столько-то новых командований, сокращено и объединено столько-то учебных заведений и т. п. Речь о новом качестве вообще не идет. Полагаем, эта ситуация сложилась неспроста, так как проблемы отечественного военного образования (как, впрочем, его очевидные серьезные традиции и достижения) известны давно.

Конечно, очень хочется верить заявлениям о том, что обновленная Российская армия обязательно будет готова выполнить любой приказ Верховного главнокомандующего. У нас нет сомнений, что Генеральный штаб приведет структуру ВС к заданным параметрам (по количеству органов управления и соединений, числу военнослужащих). Но не лучше ли прежде всего попытаться выявить те проблемы Вооруженных Сил, на решение которых и должна направляться реформа системы военного образования?

БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ

На наш взгляд, этих проблем немало. Выделим для последующего анализа лишь три из них.

Во-первых, это низкий престиж ратной службы в российском обществе.

ПОКА ТОЛЬКО СОКРАЩЕНИЯ И СЛИЯНИЯ

МНОГО ЛИ НАЙДЕТСЯ В БУДУЩЕМ ЖЕЛАЮЩИХ СТАТЬ ОФИЦЕРАМИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ?

PHOTOXPRESS

избравших профессию защитника Родины, в Вооруженных Силах в полтора раза. Но в это верится с трудом, поскольку пока значительно не возросло денежное довольствие данной категории военнослужащих.

6. В общественном сознании страны сформировалось стойкое негативное отношение к армии и флоту. Основная причина заключается в необеспеченности личной безопасности людей в погонах.

7. СМИ, Интернет насыщены в основном отрицательной информацией о службе в Вооруженных Силах. Ситуация изменится, если Минобороны будет проявлять больше активности на информационном фронте.

8. Сокращение вузов МО усиливает негативное отношение к профессии военнослужащего. Здесь мы в очередной раз не согласимся с мнением чиновников Минобороны, полагающих, что все обстоит хорошо. Рекомендуем им посмотреть на канале РЕН ТВ новую передачу «Дураки. Дороги. Деньги», в которой военная реформа показывается в юмористическом ключе. Особенно удачен сюжет, когда в подразделение приходит гражданский командир роты. Только от этих сцен совсем грустно становится.

Во-вторых, проблемой для Минобороны является снижение качества материально-

технической базы военных вузов. Полагая, что пока никто в нашей стране не представляет, как решать эту задачу.

В-третьих, существует проблема постоянного снижения интеллектуального уровня профессорско-преподавательского состава военных вузов. Многие эксперты нашей ассоциации долгие годы преподавали в высших учебных заведениях Минобороны и данная ситуация им хорошо известна. В последние годы этот аспект приобретает обвалный характер.

Перечисленные проблемы нами сведены в таблицу для выработки предложений по оптимизации военного образования.

Ставим перед руководством Минобороны вопрос о качестве проводимых преобразований в Вооруженных Силах. Решать его можно путем публичного признания реальных многочисленных армейских проблем. А после этого совместно с элитой и общественностью, полагаем, военное ведомство постепенно сможет с ними справиться. Ни «кавалерийский наскок», ни случайные люди в руководстве пользы не принесут.

А опытные офицеры продолжают уходить из рядов Вооруженных Сил. Кому это выгодно? Неужели в этом смысл модернизации армии?

Программа оптимизации военного образования (по мнению Ассоциации военных политологов)			
Реальная проблема Минобороны	Что мешает решению	Кто будет (может) решать	Предложения Ассоциации военных политологов
1. Низкий престиж воинской службы.	1. Отсутствие политической воли у руководства Минобороны. 2. Государственные и муниципальные органы имитируют военно-патриотическую работу. 3. Высокая коррупция в госаппарате и в органах военного управления. 4. Отсутствие мотивации у органов военного управления. 5. Профессия военнослужащего пока не стала популярной на рынке труда в России. 6. В общественном сознании страны сформировалось стойкое негативное отношение к армии. 7. СМИ, Интернет насыщены в основном отрицательной информацией о службе в Российской армии. 8. Сокращение военных вузов усиливает негативное отношение к профессии военнослужащего.	1. Политическая элита, опираясь на общество. 2. Минобороны. 3. Главнокоманды, командования, органы военного управления. 4. Военные вузы. 5. Институты гражданского общества. 6. СМИ.	1. Государственные меры по повышению морально-материальной заинтересованности в службе офицеров. 2. Разработка и принятие Федеральной целевой программы по повышению имиджа воинской службы. 3. Продолжить работу по переводу ВС на контрактную основу. 4. Минобороны предостит подготовить свою позицию и программу позиционирования военной службы на рынке труда. 5. Срочное формирование во всех вузах собственных сайтов и укрепление связей с общественностью. 6. Выделение достаточных средств для формирования в литературе, искусстве, СМИ положительного образа военнослужащего (аналог – работа Минобороны США с Голливудом в 70-е годы). 7. Повысить пенсии военным пенсионерам до уровня госслужащих.
2. Снижение качества материально-технической базы военных вузов.	1. Коррупция в органах военного управления ВС РФ и вузах Минобороны. 2. Отсутствие должной мотивации у органов военного управления и офицерского состава. 3. Снижение эффективности деятельности проектных, научно-исследовательских структур Минобороны и опытно-конструкторских работ. 4. Отсутствие в вузах необходимого количества тренажеров. 5. Недостаток финансовых средств, выделяемых на НИОКР.	1. Правительство РФ. 2. Бизнес-структуры. 3. Госкорпорации. 4. Предприятия ВПК. 5. Руководство военных вузов.	1. Разработать механизмы участия бизнеса в создании и улучшении материально-технической базы вузов при общественном контроле. 2. Формирование четкого заказа Минобороны техническим вузам страны на подготовку нужных специалистов. 3. Основной упор сделать на обучении военных специалистов на тренажерах. 4. Формирование четкого заказа Минобороны предприятиям ВПК на изготовление тренажеров для военных вузов.
3. Снижение интеллектуального уровня ППС военных вузов.	1. Низкий интеллектуальный уровень органов военного управления, высокий уровень коррупции в них. 2. Перевезды вузов из больших городов в другие регионы. 3. Функциональная, правовая и организационная неразделенность Минобороны и ВС. 4. Недостаточная морально-материальная заинтересованность в повышении «остепененности» кадров ППС вузов. 5. В вузах не ведется работы по созданию престижных научно-педагогических коллективов, упор делается на совершенствование материальной базы. 6. Научные школы в ВС деградируют.	1. Политическая элита с опорой на общественные структуры. 2. Руководство Минобороны. 3. Руководство вузов. 4. Минобразования. 5. Вузы мегаполисов и крупных городов.	1. Внести изменения в ФЗ «О статусе военнослужащих», разработать законодательные акты «О статусе военнослужащих запаса» и «О статусе военных пенсионеров», а также в Трудовой кодекс, в которых предусмотреть льготы для ППС вузов. 2. Обеспечивать жильем молодых перспективных ученых и преподавателей вузов. 3. Расширить инфраструктуру научно-исследовательских мероприятий вплоть до международных, заинтересовать в их участии ППС вузов. 4. Создать оптимальные лабораторные и материальные условия для развития интеллекта ППС вузов. 5. Руководству Минобороны признать, что только вузы являются возможными центрами инноваций.

СОСЕДИ

В то время как Москва стремится организовать действенную коллективную оборону со среднеазиатскими союзниками по ОДКБ, Соединенные Штаты и другие члены Североатлантического альянса тоже намерены активно развивать с ними военное и военно-техническое сотрудничество.

ПЛАЦДАРМЫ ЗАПАДА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

США И СТРАНЫ НАТО УКРЕПЛЯЮТ СВОИ ПОЗИЦИИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Алексей МАТВЕЕВ

Как сообщило, например, американское посольство в Душанбе, США построят на западе Таджикистана современный учебно-тренировочный центр для вооруженных сил республики. Его сооружение должно начаться в горном местечке Каратаг, расположенном в 45 км от таджикской столицы, после подписания соответствующего межправительственного соглашения. Предварительная стоимость данного объекта оценивается в 10 млн долларов.

Аналогичный учебный центр будет возведен опять-таки на американские деньги и в Киргизии. Заявку на разработку проекта полигона Ош Минобороны США разместило 19 июля на сайте Federal Business Opportunities, срок приема предложений истек 19 августа. На строительство центра американцы готовы потратить 5–10 млн долларов, а когда оно завершится, близ Оша развернется подготовка киргизских военнослужащих к борьбе с террористами.

Не только в Вашингтоне приглядываются к Центральной Азии. Недавно правительство Узбекистана и Германии подписало новое соглашение об использовании аэропорта «Термез» в интересах бундсверера. Об этом говорится в послании президента ФРГ Кристиана

Вульфа узбекскому коллеге Исламу Каримову по случаю Дня независимости возглавляемого им государства, который отмечается 1 сентября.

Впрочем, «Термез» не единственный объект стран НАТО в Центрально-Азиатском регионе. Как известно, с 2001 года в Киргизии функционирует американская авиационная база «Манас». В 2009-м после решения тогдашнего киргизского лидера Курманбека Бакиева она была закрыта. Но на ее месте тут же возник центр транзитных перевозок, который по сути выполняет те же задачи. Пришедшее к власти в апреле этого года временное правительство во главе с Розой Отунбаевой заявило о приверженности всем договоренностям с США по данному центру.

Кроме «Манаса» американцы обустроили учебный центр для киргизского спецназа в Токмаке. Правда, эффективность работы его выпускников оказалась низкой, если вспомнить бурные события, разыгравшиеся нынешней весной в Бишкеке, а также массовые беспорядки в июне на юге страны, сопровождавшиеся погромами, грабежами и гибелью сотен мирных жителей.

Американцы опровергают сообщения некоторых мировых СМИ о создании в Центральной Азии новых баз Пентагона. Вот и в Таджикистане, как утверждают в дипломатической миссии США, учебно-тренировочный центр передадут национальной гвардии этой страны,

однако в нем смогут заниматься и сотрудники других силовых ведомств, военнослужащие из армейских подразделений. Как пояснили в посольстве Соединенных Штатов, строительство данного объекта осуществляется в рамках военно-технического сотрудничества между Душанбе и Вашингтоном. «Хозяевами этого центра будут таджикские военные, а не американские», – подчеркнул в диппредставительстве США.

Согласно распространенной им же информации благодаря помощи Вашингтона в Таджикистане сооружен 1200-метровый мост через реку Пяндж, отделяющую республику от Афганистана, построено несколько погранзастав и таможен на таджикско-афганской границе, оснащенные современными средствами связи, профинансировано возведение на юге страны антитеррористического центра Минобороны.

Американцы помогают и Узбекистану в прокладке железной дороги на юг Афганистана. В «Термезе» между тем уже давно существуют транзитные объекты ФРГ. Франция на временной основе без указания конечного срока использует гражданский аэродром в Душанбе для промежуточной посадки самолетов своих ВВС, следующих в Афганистан. Здесь также дислоцируется немногочисленный контингент французских воинов для технического обслуживания от трех до пяти истребителей «Мираж».

AP

Для чего Соединенные Штаты и другие страны НАТО используют сегодня территорию стран Центральной Азии, говорить не приходится. Но зачем они вкладывают деньги в создание новых военных объектов – вот вопрос.

Ведущий эксперт фонда «Наследие» Ариэль Козн считает, что в 2011 году США начнут вывод войск из Афганистана. И в этом контексте, мол, совершенствование военной инфраструктуры Таджикистана и Киргизии рассматривается как своеобразный заслон, препятствующий распространению «талибанской» угрозы. Для выполнения этой же задачи не менее важны объекты и базы Вооруженных Сил РФ, находящиеся в этих республиках.

С мнением Козна можно согласиться лишь отчасти. Во-первых, помощь, оказываемая США и НАТО центральноазиатским странам, укрепляет геополитические позиции Запада в регионе. Известно, что Таджикистан и Киргизия – самые бедные государства СНГ, и даже довольно ограниченное военно-техническое сотрудничество с американцами и западноевропейцами имеет для них большое значение. В то же время для США и НАТО эти республики могут стать в будущем важными плацдармами для проведения армейских и специальных операций, причем не только против талибов. Ведь в регионе весьма вероятны межэтнические и межгосударственные конфликты.

Во-вторых, строя и оборудуя тренировочные центры и прочие военные объекты, американцы делают центральноазиатские страны зависимыми от Вашингтона в вопросах снабжения различной аппаратурой. Плюс туда придут американские инструкторы, которые постараются не только передать подопечным знания и навыки, но и приобрести в их лице надежных сторонников прозападной ориентации. Эту же цель преследует подготовка посланцев из государств СНГ в военно-учебных заведениях США.

И в-третьих, фактор Китая. В ближайшие десятилетия именно Пекин способен превратиться в главного геополитического соперника Вашингтона и Брюсселя на Евразийском континенте.

Однако активность США и НАТО в Центральной Азии должна прежде всего тревожить Россию. Ведь в результате этого может ослабеть влияние Москвы в регионе. Очевидно, коллективная оборона, за которую она ратует, не должна ограничиваться словами, пусть и зафиксированными в документах. В случае необходимости следует прибегать к решительным действиям имеющихся сил ОДКБ для тушения «возгораний» в горячих точках, коих, к сожалению, немало на пространстве, раскинувшимся у юго-восточных рубежей РФ.